Перспективы. Электронный журнал №3-2026

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-89-109
УДК 94

Антон Крутиков

Военный представитель Италии при Ставке Верховного главнокомандующего Маурицио Марсенго и его мемуары (1915–1917 гг.)

Аннотация. *Статья посвящена малоизвестным военным мемуарам Маурицио Марсенго, итальянского представителя в Ставке Верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны. Находясь в стратегическом центре российского военного управления, майор Марсенго оказался свидетелем ключевых операций Великой войны на Восточном фронте и потрясений Русской революции. С момента прибытия в Россию он был погружен в атмосферу нарастающего политического кризиса в среде военных и гражданских элит Российской империи. В своих мемуарах, опубликованных в межвоенной Италии, автор детально зафиксировал события Февральской революции и предложил читателю свой анализ причин революционной катастрофы. Присущая мемуаристу оптика офицера-монархиста и консерватора, преданного Савойской династии и идеям политического легитимизма, составляет особенность этого источника.*

Ключевые слова: *Италия, Российская империя, император Николай II, Маурицио Марсенго, Ставка Верховного главнокомандующего, Первая мировая война, Брусиловский прорыв, Русская революция.*

Среди ценных источников, раскрывающих малоизвестные аспекты истории Первой мировой войны на Восточном фронте, особое место занимают мемуары военных представителей союзников России в Ставке Верховного главнокомандующего. Эти свидетельства иностранных генералов о русском командовании, судьбе последнего монарха Николая II и атмосфере надвигающейся революции 1917 г. уникальны тем, что принадлежат непосредственным участникам и очевидцам событий, по долгу службы имевшим доступ к «скрытым пружинам» российской внутренней и внешней политики и военной стратегии. Разумеется, как и любые воспоминания, они требуют критического подхода, что усложняет их анализ, но не умаляет значимость. Наиболее ценными являются военные мемуары французского генерала Мориса Жанена «С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг.» (2015) [Janin. En mission dans la Russie…] и «Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг.» (1933) [Janin. Ma mission en Sibérie…], а также воспоминания британского генерала Джона Хэнбери-Уильямса «Император Николай II, каким я его знал» (1922) [Hanbury-Williams]. Оба автора находились в доверительных отношениях с Верховным главнокомандующим Николаем II и ключевыми российскими генералами

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail. com.*

и оставили содержательные свидетельства о повседневной жизни Ставки в Могилеве, личных качествах российского императора, военном планировании и проведении боевых операций, состоянии армии и обстоятельствах крушения монархии.

Значительный интерес для исследователя также представляют опубликованные в Париже и Брюсселе «Воспоминания» (1920) бельгийского генерала барона Луи де Риккеля — бывшего заместителя начальника генерального штаба бельгийской армии [см.: Ryckel]. К сожалению, его мемуары завершаются событиями сентября 1914 г. и не охватывают период службы автора в Ставке (1914–1917). Обладавший безусловным доверием Николая II военачальник и близкий друг цесаревича Алексея упоминает Россию в рамках анализа общей военной стратегии союзников, выражая взгляд представителя одной из «малых жертв» Великой войны. Ценным дополнением к этим воспоминаниям начальника бельгийской военной миссии являются его донесения и секретные телеграммы за 1916–1918 гг. опубликованные в 1996 г. [Попова. С. 168].

В силу объективных причин гораздо менее известна деятельность итальянской военной миссии в России и ее представителей. В фокусе историков традиционно находились Лондон и Париж как центры реальной силы, от которых зависели координация стратегических операций Антанты с русской Ставкой, выдача военных кредитов, поставки вооружений и военных материалов. Кроме того, Италия, состоявшая с 1882 г. в Тройственном союзе, до мая 1915 г. сохраняла нейтралитет в начавшейся большой войне, и ее полноценная военная миссия в России сформировалась позже. Лондонский договор, заключенный 26 апреля между Францией, Великобританией, Россией и Италией, гарантировал последней значительные территориальные приращения в Европе, расширение колониальных владений на Ближнем Востоке и в Африке, финансовую и военную помощь союзников. Статья 1 договора предусматривала немедленное заключение военной конвенции; в рамках ее исполнения Италия поддерживала постоянный обмен военными представителями с тремя главными державами Антанты, в том числе с Россией.

Уникальность ситуации заключалась в том, что Италия, объявив войну Австро-Венгрии 23 мая 1915 г., сохраняла на протяжении 15 месяцев, до 27 августа 1916 г., нейтралитет по отношению к Германии. Вступление Италии в войну против Германии произошло в один день с аналогичным выступлением Румынии и было напрямую связано с обстоятельствами Брусиловского прорыва 1916 г. Итальянская миссия в России в этих условиях выступала инструментом межсоюзнической координации, нацеленной на контроль выполнения важных для Рима российских обязательств по Лондонскому договору, а именно — поддерживать военные усилия Италии собственными действиями на австро-венгерском фронте, сохраняя на нем необходимый минимум войск [Agreement between France… P. 1].

Согласно воспоминаниям генерал-квартирмейстера русской Ставки генерала Ю.Н. Данилова, «Верховный Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич, высказал пожелание, чтобы переговоры о согласовании действий сухопутных

итальянских и русских войск, поскольку эти действия касались австро-венгерского театра военных действий, были обсуждены у нас в Ставке, с участием представителя итальянской армии» [Данилов. С. 330]. Италию на этих переговорах представлял военный атташе в Петрограде полковник Эдоардо Рополо. Их результатом стала военная конвенция, подписанная 21 мая 1915 г. В этой конвенции, впервые с начала российско-итальянских союзнических отношений, была сделана «попытка к постановке общей цели, к выяснению, в главных чертах, характера группировки союзных сил, с привлечением к совместной кооперации вооруженных сил Сербии и Черногории». Предполагалось также выработать и порядок «изменения плана, в случае коренных перемен в обстановке» [Там же].

28 мая 1915 г. итальянским представителем в русской Ставке Верховного главнокомандующего был назначен майор Маурицио Марсенго, военный атташе Королевства Италии в Испании и Португалии, находившийся в то время в Мадриде. Решающее значение при выборе этой кандидатуры сыграли хорошее знание майором Марсенго русского языка и его обширные связи среди российской военной и светской элиты [Marsengo. Eroi senza luce… P. 1].

По данным архива исторического ведомства генерального штаба Италии, М. Марсенго родился в 1874 г. в городе Пьяченца и начал карьеру в 1893 г. в чине подпоручика кавалерии. Окончив Военную академию, он служил в генеральном штабе [Missioni militari italiane… P.107]. Профессиональный спортсмен и офицер-кавалерист, Марсенго посещал Москву и Санкт-Петербург для участия в конных состязаниях задолго до начала Первой мировой войны. В качестве одного из своих давних близких друзей в России итальянский офицер упоминает полковника П.П. Родзянко — известного российского спортсмена-кавалериста, прошедшего обучение в Офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге и Пинерольской кавалерийской школе под Турином, племянника председателя Государственной думы М.В. Родзянко.

Перевод в Россию майора М. Марсенго состоялся по его личной настойчивой просьбе. Организованная как «кратковременная», его миссия, по словам самого офицера, «продлилась ровно три года <…>, в бурном водовороте которых вершились целые века истории» [Marsengo. Eroi senza luce… P.2].

В России М. Марсенго оказался свидетелем ключевых событий Первой мировой войны и оставил, среди прочего, подробное описание подготовки и осуществления Брусиловского прорыва 1916 г. Как представитель итальянского генштаба он не только лично посещал штабы наступающих частей Юго-Западного фронта, но и побывал на передовых позициях. Осенью того же года, после приостановки наступления, он по просьбе итальянского командования совершил поездку в Персию, чтобы ознакомиться с организацией и боевыми возможностями русских войск на этом удаленном театре военных действий. Вернувшись в Ставку в конце 1916 г., Марсенго продолжил свою информационную и координационную миссию в стратегическом центре российского военного управления.

В направляемых в Рим официальных отчетах и частной переписке майор Марсенго подробно описывал быт и настроения в Ставке, свои личные встречи с императором Николаем II, ключевыми генералами и министрами. С момента прибытия в Россию он был погружен в атмосферу нарастающего политического кризиса в среде военных и гражданских элит империи, а в 1917 г. детально зафиксировал события Февральской революции и постепенную потерю боеспособности русской армии. Отбыв после революционных потрясений в Италию, произведенный в полковники Маурицио Марсенго командовал известным полком «Новарских улан» в сражении при Витторио-Венето в октябре 1918 г. После окончания Великой войны он вернулся к дипломатической работе в Мадриде.

В феврале 1922 г. М. Марсенго опубликовал большую иллюстрированную статью под названием «Крах империи» в престижном итальянском журнале «La Lettura», где обобщил свои недавние впечатления о миссии в России, мировой войне и Февральской революции [Marsengo. Il crollo… P. 135]. А в 1935 г. в Турине была издана книга его воспоминаний «Герои без света: военная миссия в России во время мировой войны, май 1915 — сентябрь 1917» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 1]. Богато иллюстрированное издание, отпечатанное на дорогой мелованной бумаге, изначально предназначалось для узкого круга читателей — высшего генералитета, дипломатического корпуса, университетских преподавателей и видных функционеров режима. Италия времен Муссолини остро нуждалась в легитимации своего режима и результатов так называемой фашистской революции 1922 г. через историческую память. Первая мировая война предоставляла в данном контексте идеальный исторический материал для конструирования национального мифа и формирования культа «героев-победителей» недавних сражений 1915–1918 гг.

Предисловие к книге воспоминаний М. Марсенго написал один из главных идеологов Италии 1930-х годов и архитекторов режима Муссолини, профессор философии Эмилио Бодреро [Bodrero. P. IX]. В 1926–1928 и в 1941 гг. он занимал должность заместителя министра народного просвещения Италии и занимался концептуальным обоснованием режима, интеграцией доктрины Муссолини в итальянскую систему образования, университетскую жизнь и культуру. В 1936–1937 гг. возглавлял Итальянское общество авторов и издателей (SIAE). Из-за его близости к дуче современные историки иногда называют Бодреро неформальным пиар-технологом Муссолини [Romano, Foschi. P. 46].

В предисловии к мемуарам Марсенго им были в концентрированной форме зафиксированы основные элементы официального мифа о Первой мировой войне, утвердившегося в Италии в 1930-е годы: антилиберализм, национализм, незыблемость монархического принципа, антибалканские и прогерманские интенции.

Предисловие чиновника столь высокого ранга в середине 1930-х годов было своеобразным «знаком качества» и признанием заслуг автора со стороны государства и режима. Однако позднее оно же стало очевидным препятствием для появления данного издания на книжной полке российского или западного историка. Бодреро явно но-

стальгирует по «старому порядку» и не скрывает симпатий к последнему российскому монарху Николаю II. Верность царя союзническому долгу в межвоенные годы органично наложилась на популярный итальянский миф о «преданной верности» (fede tradita). Режим Муссолини, будучи монархическим — в Италии король Виктор Эммануил III формально оставался у власти, — с уважением относился к сословной иерархии старого мира. Подчеркивая, что царь сохранил верность союзникам, Бодреро проводит параллель с самой Италией, которая тоже сохранила верность Антанте, но, по мнению автора, была «обманута» западными союзниками при разделе трофеев Великой войны. Этот акцент на «исторической несправедливости» вписывался в популярный миф об «изувеченной победе» (vittoria mutilata).

Антибалканский пассаж, умело встроенный Бодреро в текст предисловия, также отразил реалии итальянской политики на Адриатике в 1930-е годы. В этот период отношения Италии и Югославии оказались накалены до предела. Режим Муссолини открыто поддерживал хорватских националистов, а в 1934 г. в Марселе при их участии был убит югославский король Александр I. Италия считала Балканы своей законной «зоной влияния» (в рамках концепции Spazio Vitale — жизненного пространства) и яростно сопротивлялась любому усилению славянских государств. Бодреро, будучи приверженцем националистического курса Муссолини, перенес политическую реальность 1930-х годов на события Первой мировой войны, обвиняя балканский фактор в дестабилизации Европы.

Все вышесказанное объясняет, почему книга воспоминаний Маурицио Марсенго осталась совершенно незамеченной не только в России, но и на Западе. Ценный документ, созданный итальянским представителем в русской Ставке, оказался жертвой «тоталитарной модернизации» и вепонизации истории и надолго выпал из поля зрения профессиональных исследователей.

Переходя к самим военным мемуарам Маурицио Марсенго, нельзя прежде всего не отметить необычность источников книги 1935 г. Основным материалом для нее стали личные письма Марсенго родным, которые он отправлял в Турин из России каждое воскресенье. Преданность семье, династии и объединенной Италии выступает главной мотивирующей силой автора на страницах его повествования.

«Именно эти письма, адресованные моим дорогим родителям, и послужат главным материалом для моего труда. Мой отец, горячий патриот, близкий друг пьемонтских министров Джованни Ланцы, Квинтино Селлы и Дезидерато Кьявеса, воспитанный в их суровой школе, с юношеским задором следит за судьбой новой Италии, исполненный веры в величественное будущее Отечества», — писал автор в начале книги [Marsengo. Eroi senza luce… P. 4].

Как видно из этого отрывка, отец Марсенго был знаком с ключевыми фигурами итальянского Рисорджименто середины XIX в. — видными политическими деятелями из Пьемонта, руками которых создавалось Итальянское королевство. Преданность Савой-

ской династии, монархический легализм и романтический национализм стали ключевыми элементами мировоззрения и самого Маурицио Марсенго.

Структура его мемуаров подчинена эпистолярному наполнению. Книга разделена на главы, состоящие из отдельных датированных записей, каждая из которых, по всей видимости, основана на том или ином письме либо на фрагментах дневника. За внешней простотой текста скрывается масштабная аналитическая работа. Для описания событий мировой войны и Русской революции мемуарист привлекает дополнительные источники, включая уникальные служебные документы, малоизвестные свидетельства очевидцев, разведывательные донесения и материалы из личного архива. Автор параллельно использует оба календаря — юлианский, принятый в дореволюционной России, и григорианский, что значительно облегчает работу с воспоминаниями.

Миссия в России

Путешествие из Италии в Россию заняло у Марсенго около двух недель. Добравшись морским путем до Салоник, далее он следовал через нейтральные либо дружественные Италии государства — Грецию, Сербию, Болгарию и Румынию. География мировой войны имела решающее значение при выборе маршрута: следовать через турецкую территорию было признано небезопасным. По стечению обстоятельств Болгария вступила в конфликт всего несколькими месяцами позднее, обрушившись на Сербию в октябре 1915 г., иначе такая поездка была бы невозможной. В Бухаресте Марсенго был представлен премьер-министру Румынии Ионелу Братиану, который в тот момент взвешивал все pro et contra вступления его страны в войну, постепенно склоняясь в сторону союза с Антантой. Братиану просил итальянского представителя передать пожелания и просьбы Бухареста «могущественному северному соседу». Больше всего румын беспокоила проблема оснащения и вооружения собственной армии.

Во второй половине июня 1915 г. (по старому стилю) Марсенго прибыл в Петроград, где нашел полностью налаженной работу итальянской военной миссии. «Полковник Рополо, — вспоминал он, — глава нашей военной миссии, за короткое время сумел завоевать симпатию и безоговорочное доверие не только аристократии, но и виднейших политических деятелей, а также самых влиятельных дипломатов Петрограда. […] Он завсегдатай самых закрытых клубов, где общается с великими князьями, и принят в кругах высшего петроградского общества, которое столь жестко закрыто даже для тех, кто занимает самые высокие посты в государстве» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 12].

21 июня (4 июля) 1915 г. полковник Рополо и майор Марсенго прибыли в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичах. Поездка принесла важную новость — состоялись отставка военного министра В.А. Сухомлинова, принятая с удовлетворением представителями союзных миссий, и его замена генералом А.А. Поливановым.

«Едва выйдя из автомобиля, который привез нас со станции в Ставку Верховного главнокомандующего, — вспоминал Марсенго, — я был представлен полковником

Рополо царю и великому князю Николаю. Император — среднего роста, худощавый, истощенный; великий князь — богатырского телосложения, внушительный, под два метра ростом. Царь, чье благородное лицо, озаренное светом небесно-голубых глаз, поражает своей бледностью, одет в характерную русскую рубаху, застегнутую до самого ворота; в левой руке он держит небольшую прогулочную трость, а в правой — неизменную папиросу, с которой не расстается даже во время еды» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 20].

Беседа с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем имела для майора Марсенго профессиональный интерес. Как и другие представители союзников, итальянский военный агент в Ставке относился к великому князю с большой симпатией. «Главнокомандующий армией любезно расспрашивает меня о нашем короле, — вспоминал автор, — которому он приходится зятем, а затем переходит к техническим дискуссиям, представляющим огромный интерес. Его Императорское Высочество выражает радость по поводу своевременного вступления Италии в войну, которое послужило тому, чтобы облегчить положение русского Юго-Западного фронта, сняв с него давящее бремя нескольких австрийских дивизий. Августейший князь знает вверенные ему войска до самых сокровенных глубин малых подразделений. Он все видит, ничем не пренебрегает и не пытается скрыть ни от себя, ни от других всю тяжесть ситуации» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 21-22].

Марсенго был осведомлен о нарастающем кризисе снабжения русской армии боеприпасами, и его тревога за общее состояние Восточного фронта нашла отражение как в официальных донесениях, направляемых в Рим, так и в мемуарах. В своей книге мемуарист справедливо выделяет катастрофу «великого отступления» 1915 г. в качестве ключевого события, подготовившего трагедию Русской революции. Именно оно запустило «цепную реакцию» последующих необратимых изменений в общеполитической ситуации, военном руководстве и гражданском управлении, приведших страну к революционному взрыву. Среди них были правительственный кризис лета 1915 г. и «забастовка министров», кризис Верховного Главнокомандования и отставка великого князя Николая Николаевича, наконец, отставка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина и министров либерального блока осенью 1915 г.

«То, что крушение армии, а вслед за ней и Империи началось именно с поражения на Галицийском фронте, докажет в 1917 г. судебный процесс над Сухомлиновым, коего арестовали на шесть лет позже, нежели следовало бы, — утверждал Марсенго. — Представить только, на протяжении шести лет сей бездарный генерал и предатель занимал пост военного министра. И не стоит думать в его оправдание, будто Россия испытывала недостаток в денежных средствах для обустройства армии; напротив, любые кредиты в самом щедром объеме всегда беспрепятственно отпускались военному министерству. Ни Государственный банк, ни Министерство финансов никогда не чинили препятствий расходам, необходимым для нужд национальной обороны» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 25].

Оценку Марсенго подтверждает в своих мемуарах и генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов. По его словам, накануне войны поддержка инициатив, направленных на перевооружение армии, была финансово обеспечена в том числе и со стороны Государственной думы: «Думские круги были в общем очень отзывчивы к военным нуждам; бывали даже случаи частичного увеличения испрашивавшихся кредитов в порядке думской законодательной инициативы. В думской комиссии государственной обороны мы, большинство обычных представителей военного ведомства, — чувствовали себя в атмосфере внимательного и благожелательного к нам отношения. [...] Недоверие окружало лишь имя военного министра генерала Сухомлинова, который, кстати сказать, избегал бывать в Думе; нередко оно проявлялось и по отношению к деятельности Главного артиллерийского управления» [Данилов. С. 47-48].

Служба Марсенго в Ставке в Барановичах, а затем в Могилеве подразумевала аналитическую работу, главной целью которой была координация военных усилий России с итальянским генеральным штабом и сбор военной информации. «Ставка Верховного главнокомандующего, — вспоминал Марсенго, — целиком сосредоточена в двух специальных поездах, один из которых предназначен для главнокомандующего армией, великого князя Николая, который проживает там с начальником штаба генералом Янушкевичем и другими офицерами, а другой — для иностранных военных миссий. Каждый из нас располагает удобным купе спального вагона. [...] В поездах установлена телефонная и телеграфная связь. Для Ставки Верховного главнокомандующего Барановичи были выбраны прежде всего потому, что это место находится приблизительно в центре фронта, который простирается от Риги до границ Румынии, и затем — причина не менее важная — потому, что здесь сосредоточен самый крупный железнодорожный узел всего региона. Поезда могут немедленно отправиться во все пункты, где дислоцированы штабы групп армий, и двигаться без опасения быть замеченными противником, поскольку станция расположена в центре огромного и почти непроходимого леса» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 19].

М. Марсенго без оптимизма воспринял отставку Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в конце августа 1915 г., когда Николай II сам встал во главе армии. Его мемуары подтверждают в основном негативное отношение к этому шагу и других представителей союзных миссий. Воспоминания фиксируют разочарование и раздражение союзников этим решением российского монарха, равно как и их попытки задействовать все возможные «скрытые механизмы» для его отмены, включая влияние других членов династии Романовых. Все они не имели успеха. «Государь удалил чрезвычайно популярного в войсках великого князя, дабы занять его место. Генерал Алексеев, командовавший прежде группой армий Западного фронта, передал это высокое бремя генералу Эверту и прибыл на смену начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу. Столь коренной переворот означал не просто смену лиц, но решительное изменение всей системы и методов, которые доселе господствовали в Ставке. Одним словом, вместе с людьми менялись и самые идеи» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 38].

При этом итальянский военный агент в Ставке дал высочайшую оценку профессионализму генерала М.В. Алексеева, считая его назначение более чем своевременным. Его знакомство с новым начальником штаба началось еще в 1906 г., когда Алексеев служил в Киевском военном округе под началом генерала Н.И. Иванова — лично знавшего М. Марсенго. Как отмечается в мемуарах, Алексеев «явил себя не только тружеником исключительной закалки, но и пламенным патриотом, преданным России до самозабвения» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 36]. Однако кардинальные перемены в высшем военном управлении на фоне неудач «великого отступления» 1915 г. итальянский офицер не одобрял, считая их политически опасными. «Отныне, — писал Марсенго, — участь великого князя была решена, а вместе с его судьбой — и судьба самого государя» [Там же].

Более всех таким исходом был разочарован представитель Франции в Ставке дивизионный генерал маркиз Пьер де Лагиш, который «с чувством глубокой горечи признался, что, вопреки всем его колоссальным дипломатическим усилиям, приложенным ради того, что он почитал правым делом для русской армии и союзников, его замысел потерпел полное крушение» [Там же].

Воспоминания Марсенго подтверждают важную деталь, подмеченную и другими современниками: государь в период кризиса Верховного главнокомандования летом 1915 г. проявил редкую для него настойчивость, так что, пишет итальянский представитель, «любые попытки отвратить Николая II от сего пагубного намерения были совершенно напрасны» [Там же].

7 (20) сентября 1915 г. генеральный штаб Италии отозвал главу своей военной миссии в Петрограде полковника Э. Рополо на родину. Решение было принято по просьбе М. Марсенго «ввиду отчаянного состояния здоровья» его начальника и «по совету лейб-медика Федорова» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 42]. Опытный офицер разведки и один из самых талантливых сотрудников итальянского генштаба оказался не готов к испытаниям петербургского климата [1].

Назначение главы военной миссии Италии в Ставке Верховного главнокомандующего заняло несколько месяцев. Им стал генерал-майор граф Джованни Джироламо Ромеи Лонгена, которого 7 (20) апреля 1916 г. майор Марсенго встречал на Финляндском вокзале Петрограда. Генерал Ромеи был ранее знаменит своей миссией в Османской империи в 1904–1909 гг., в ходе которой он стал личным флигель-адъютантом султана Абдул-Хамида II. Также он был известным участником Итало-турецкой войны 1911–1912 гг. и опытным военачальником. Его регулярная телеграфная корреспонденция из русской Ставки в Рим началась в мае 1916 г. и продолжалась до августа 1918 г. После назначения Ромеи майор Марсенго, ранее фактически возглавлявший миссию в Ставке, оказался в его прямом подчинении.

«Я неоднократно указывал нашему верховному командованию, — вспоминал Марсенго, — на абсолютную необходимость направить в Россию главу миссии в генераль-

ском чине, поскольку почти все державы, включая Черногорию, были представлены генералами. Из-за этого я, будучи простым майором, бывал принужден уступать первенство всем остальным, неизменно оказываясь самым последним в качестве представителя нации, которая первая среди первых сражается за общее дело союзников» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 63].

Марсенго, как следует из его мемуаров, стремился сразу же посвятить своего нового начальника во все хитросплетения петроградской политики, включая распутинский скандал, неуклонное падение авторитета династии и обнаружившиеся уязвимости военной стратегии. «Среда, — отмечал он, — в коей генерал Ромеи очутился столь внезапно, была слишком отлична от той, которую он лишь недавно покинул, дабы ее возможно было уразуметь в один миг. Слишком много аномалий, слишком много нравственных девиаций и духовных потрясений действовало в то время среди лиц высших сословий; а молнии, порождаемые столкновением столь многих противоречивых страстей, то и дело вспыхивавшие на грозовом небосклоне войны, с жестокой очевидностью являли всякому, кто умел держать глаза широко открытыми, угрозу со стороны аморфной массы — беспокойного множества людей, согнанных либо в грязь окопов, либо в нищету улиц Москвы и Петрограда, Киева или Одессы. От этого множества не умели требовать ничего, кроме жертвенной смерти от голода или пулеметов, не давая взамен даже видения славного Отечества» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 64].

По мнению Марсенго, отзывавшегося с огромной симпатией об императорской России, назревавший в стране политический кризис был вызван неудачами кампании 1915 г. и экономическими вызовами, принесенными войной. В армии по-прежнему не было недостатка в патриотизме, проблема заключалась в исчезновении традиционного лидерства, эрозии доверия к власти, в то время как «великая душа сего великого народа желала лишь одного — повиноваться тому, кто сумел бы им повелевать» [Там же].

Так или иначе, итальянские представители в русской Ставке одними из первых среди представителей союзнических военных миссий увидели социально-психологические симптомы надвигающейся Русской революции. Спустя короткое время им самим пришлось не только пережить революционные потрясения, но и стать свидетелями начала Гражданской войны. Практика подтвердила справедливость их донесений в итальянский генеральный штаб, наполненных тревогой за будущее восточного союзника.

Брусиловский прорыв

Решение о наступлении армий Юго-Западного, Западного и Северного фронтов было принято на военном совете в Ставке в Могилеве 1 (14) апреля 1916 г. Согласно первоначальному плану, Юго-Западному фронту отводилась вспомогательная роль; двукратное превосходство над противником Западного и Северного фронтов повлияло на решение генерала М.В. Алексеева предоставить именно им резервы, включая тяжелую артиллерию, и нанести главный удар севернее Припяти. Однако в эти обстоятельства

неожиданно вмешался «итальянский фактор». Вскоре после празднования православной Пасхи в Могилеве 10 (23) апреля 1916 г. генерал Ромеи и майор Марсенго получили шифрованную телеграмму итальянского генерального штаба о начале наступления австрийцев на итальянском фронте. Начальник генштаба генерал-лейтенант Луиджи Кадорна требовал от своих представителей в России, чтобы они воздействовали на начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева с целью побудить его как можно скорее начать наступление армий Юго-Западного фронта.

«От генерала Алексеева как от верного союзника требовали, дабы он избавил нас от австро-германского натиска; чтобы он действовал, чтобы привел в движение свою колоссальную армию и пустил в ход пресловутый «паровой каток». Миллионы и миллионы людей стояли со взятым к ноге оружием в грязи окопов, а мне было известно, что Брусилов горит лишь одним желанием — сражаться», — отмечал М. Марсенго [Marsengo. Eroi senza luce… P. 70].

В самый критический момент австрийского наступления в Трентино, в середине мая 1916 г., сам король Виктор Эммануил III обратился к Николаю II с просьбой поддержать итальянские войска наступательными действиями русской армии против австро-венгров. Император дал свое согласие.

Итальянские представители в Ставке были не только заинтересованы в скорейшем начале наступления, но и смогли напрямую повлиять на корректировку стратегических планов российского Верховного главнокомандования, используя личную дипломатию. В своих донесениях в Рим и в мемуарах М. Марсенго отдавал должное русской артиллерийской подготовке и тактике прорыва укрепленных австрийских позиций, подробно описав колоссальное количество пленных и трофеев. При этом он фиксировал и тяжелые потери, которые понесла русская гвардия в боях на реке Стоход.

Операция началась рано утром в воскресенье 22 мая (4 июня) 1916 г., «с открытием ураганного артиллерийского огня по всем направлениям. …Сверх того, три кавалерийские дивизии брошены на крайний северный фланг Юго-Западного фронта с задачей перерезать в тылу неприятеля железнодорожные линии Ковель — Сарны и Ковель — Ровно», — вспоминал Марсенго и в отношении себя добавлял: «Едва телеграфировав эти известия в итальянское Верховное командование, я прощаюсь с генералом Ромеи и отбываю в Ровно, дабы лично наблюдать и шаг за шагом следовать за наступлением генерала Брусилова» [Marsengo. Eroi senza luce… P.72].

21 мая (3 июня) 1916 г. Марсенго прибыл в Ровно в штаб 8-й армии генерала А.М. Каледина, а затем двинулся дальше, с целью посетить штабы наступающих дивизий. Его детальный рассказ о начальном этапе наступления Юго-Западного фронта представляет собой редкий исторический документ, фиксирующий увиденное на передовых позициях.

«В девять часов следующего утра войска переходят в наступление. За двадцать минут 2-я стрелковая дивизия занимает две линии неприятельских окопов, тогда как 4-я

дивизия достигает третьей линии. Нам сообщают, что 9-я армия на черновицком направлении взяла в плен 240 офицеров и 10 000 солдат. Похоже, успех стремительно вырисовывается по всему Юго-Западному фронту.

Я спускаюсь с наблюдательного пункта и направляюсь в штаб 4-й стрелковой дивизии, коей командует Деникин. Тылы запружены пленными, брошенными неприятелем орудиями, пулеметами, бомбометами и прожекторами; враг беспорядочно отступает. Я нахожу генерала среди его солдат, которые впали в совершенное исступление от победы, и поздравляю его, выражая все свое восхищение.

— Этого еще мало, — отвечает мне Деникин, похлопывая хлыстом по высоким заляпанным грязью сапогам, — еще мало для моей дивизии, которую нарекли «Железной». Помните, что она ведет свое начало от славной бригады Скобелева.

Все 134 орудия, принадлежащие 40-му и 8-му армейским корпусам, ныне находятся в действии. К пятнадцати часам оба начальника дивизий уже перенесли свои наблюдательные пункты вперед. Мне с трудом удается некоторое время следовать за генералом Деникиным, который передвигается то на автомобиле, то верхом. Когда ни то, ни другое средство более не могут служить ему, он идет пешком посреди своих войск. [...] Вечером мимо окопов, ныне покинутых, перешагивая через развороченную артиллерией колючую проволоку и воронки, выбитые в земле крупными калибрами, шествуют еще 3500 пленных» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 74].

Находясь в качестве военного наблюдателя союзников на передовых позициях наступающих русских войск, М. Марсенго рисковал жизнью. Так, он стал свидетелем гибели генерала И.А. Микулина, командира 102-й пехотной дивизии, в бою у реки Стырь 26 мая (8 июня) 1916 г. Дивизия Микулина и ее командир, с которым у Марсенго установились дружеские отношения, получили высочайшую оценку итальянского офицера. Он отмечает общую для российских командующих черту в первые дни наступления — следовать невзирая на риски со своими войсками в боевых порядках пехоты. Его впечатления о действиях передовых русских частей на австрийском фронте, записанные в стиле «окопной правды», составляют значительную часть главы, посвященной Брусиловскому прорыву.

«Полевые фортификационные сооружения, столь прочно возведенные австро-германцами, рушатся одно за другим, точно безобидные игрушки. У входов в блиндажи, защитники коих выказывают попытки к сопротивлению, занимают позиции солдаты-бомбометатели. Выкрикнув требование о сдаче, они — ежели сие предложение не принимается незамедлительно с поднятыми вверх руками — сеют смерть и разрушение внутри этих трагических мышеловок. Пока я беседую с генералом Микулиным, несколько неприятельских шрапнельных снарядов “приветствуют” нас, осыпая осколками и грязью.

Мы укрываемся в элементах австрийских окопов, уцелевших после налета русской артиллерии. Эта позиция у села Ставок являлась главным рубежом обороны против-

ника, удерживаемым им еще с 14/27 сентября 1915 г.; она укреплена бетоном, бронещитами, блиндажами, траншейными орудиями и пулеметами. Примечательно, что у каждого солдата в окопе имеется собственная карточка, указывающая его боевое место. Солдаты 406-го полка, вступившие сегодня утром в Ставок, вместо заслуженного отдыха пожелали предать земле тела своих 400 павших товарищей и собрать богатейшие трофеи. Особое внимание ратники уделяют патронам и винтовкам, поскольку и в тех, и в других они уже давно испытывали острую нужду» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 74-76].

Близкие и доверительные отношения установились у М. Марсенго и с командующим Юго-Западным фронтом генералом А.А. Брусиловым — главным «архитектором» российской победы. Мемуарист отмечает противоречивые черты характера генерала, его честолюбие и быстро возросшую летом 1916 г. популярность в обществе. А.А. Брусилов находился в сложных взаимоотношениях со Ставкой, требуя максимальной поддержки своих наступательных действий аналогичными операциями Западного и Северного фронтов. Однако его телеграммы начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву оставались без ответа. По словам Марсенго, Брусилов требовал, чтобы на его правом фланге перешли к наступательным операциям генералы А.Е. Эверт и А.Н. Куропаткин. Итальянский представитель от его имени задается вопросом: «Отчего они не двигаются? Чего ожидают? Уж не того ли, когда враг — уверенный, что имеет перед собою одних лишь уставших и изнуренных наступлением людей, — полностью сосредоточится на его <Брусилова> секторе и двинется в контрнаступление?» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 77]

Уже в начале июня 1916 г. стал понятен масштаб военного успеха Юго-Западного фронта. «Потери австрийцев огромны, — сообщал Марсенго. — От 14-го полка 13-й дивизии осталось всего три роты, примерно по сотне человек в каждой. От 25-го полка Ландвера уцелела лишь одна рота в 75 штыков. Кругом царит деморализация: солдаты бегут в беспорядке, устремляясь преимущественно к Ковелю, который назначен пунктом сбора. Жандармы перехватывают беглецов и силою возвращают их в полки» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 83].

Марсенго утверждает, что Юго-Западный фронт А.А. Брусилова имел все необходимое для продолжения наступления. «Русские войска одушевлены великим порывом, — отмечал он, — и желают во что бы то ни стало преследовать врага; они почитают даже остановку на обед за напрасную потерю времени. Ни один из четырех полков 102-й дивизии (бывшей Микулина) не желает оставаться в резерве» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 81].

В мемуарах с удовлетворением указывается на видимые улучшения в работе транспорта, подвозе боеприпасов, эвакуации раненых. Однако сотни тысяч австрийских пленных, захваченных русской армией и находившихся позади боевых порядков, грозили полной дезорганизацией тыла — на это обращал внимание Ставки лично генерал А.А. Брусилов.

По мнению итальянского военного представителя, летом 1916 г. Россия «держала в своих руках победу и упускала ее» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 77]. Масштаб военного разгрома Австро-Венгрии оказался неожиданностью для самого Верховного Главнокомандования, и оно не смогло воспользоваться временной слабостью противника для нанесения еще более сокрушительного удара. Виной было отсутствие координации между командующими фронтами, в связи с чем Марсенго размышляет о бесполезном тщеславном соперничестве между ними, служебных интригах и едва ли не «предательстве».

«Войска Брусилова не могут наступать до бесконечности, и когда они окажутся измотаны, обескровлены и деморализованы, они повернут вспять под ударами немецких штыков в свои фланги. Не нужно быть пророком, дабы предугадать, что случится тогда», — делился своим предвидением итальянский представитель [Там же].

К концу лета 1916 г. наступление А.А. Брусилова было приостановлено в силу комплекса стратегических, логистических и тактических причин. Пассивные действия Западного и Северного фронтов генералов А.Е. Эверта и А.Н. Куропаткина позволили австро-германцам сосредоточить против Юго-Западного фронта значительные силы. Перед войсками Брусилова оказались среди прочих дивизии, снятые из-под французского Вердена и с итальянского фронта. Наступающие армии Брусилова уперлись в мощный укрепленный район на реке Стоход, где русская гвардия в июле 1916 г. понесла значительные потери. Элитный резерв русской Ставки, составлявший Особую армию, оказался среди наиболее пострадавших частей, что также нашло отражение в мемуарах М. Марсенго [Marsengo. Eroi senza luce... P.92]. Кампания 1916 г. переросла в изнурительные позиционные бои с огромными потерями.

Русская революция

В январе 1917 г. находившийся в Ставке М. Марсенго наблюдал уже явные признаки надвигающейся в России революции. Его собственные источники фиксировали неконтролируемое развитие политического кризиса в столице и рост антиправительственных и антидинастических настроений в армейской среде, в том числе среди офицеров. По его мнению, для предотвращения катастрофы требовались срочные превентивные меры. Мемуары содержат отголоски ценной информации о планах Ставки, за считанные недели до Февральской революции, перебросить надежные части с фронта в Петроград. (По ряду причин эти планы так и не были реализованы.) Марсенго пишет в первую очередь о гвардейских частях. От своих источников он получил информацию о Гвардейском корпусе, который планировалось перебросить в район Двинска, и Сводной гвардейской кавалерийской дивизии (ошибочно указана 3-я гвардейская кавалерийская бригада), в состав которой входили варшавские уланы (лейб-гвардии Уланский Его Величества полк) и гродненские гусары (Гродненский гусарский лейб-гвардии полк). «В их благонадежности, — писал автор, — сомневаться почти не приходится» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 128]. Источником этих сведений выступал корнет С.М. Крупин, зять и фактический адъютант начальника штаба Ставки генерала

М.В. Алексеева — близкий друг М. Марсенго. Однако в предреволюционной атмосфере Ставки и Петрограда, наэлектризованной политическими слухами, по словам мемуариста, было чрезвычайно трудно «отделить истину от вымысла» [Marsengo. Eroi senza luce… P.129].

Многозначительным выглядит детальное описание межсоюзнической конференции Антанты в Петрограде, которая проходила с 19 января (1 февраля) по 8 (21) февраля 1917 г. и стала последней крупной дипломатической встречей союзников перед падением монархии в России. Марсенго указывал на потенциальную взаимосвязь большой «общеевропейской политической игры», в которой участвовала Россия, и обстоятельств разразившейся через две недели Февральской революции. Италия на конференции была представлена дипломатами и военачальниками высокого, хотя и не высшего ранга (с российской стороны, в конференции участвовали ключевые министры). Так, в итальянскую делегацию входили сенатор и будущий министр иностранных дел Витторио Шалоя; глава секретариата министра иностранных дел Луиджи Альдрованди (впоследствии также оставивший мемуары о Первой мировой войне), генерал-лейтенант Паоло Руджери Ладерки (глава военной делегации) и посол Италии в Петрограде Андреа Карлотти. Однако все попытки М. Марсенго достучаться до своего руководства и предоставить МИД Италии актуальную информацию о развернувшемся в России политическом кризисе не имели успеха. Конференция, к его глубокому разочарованию, более походила на формальную протокольную встречу дипломатов, и шанс на согласование стратегических планов союзников был упущен. «Полагаю, — писал Марсенго, — что единственное практическое следствие Петроградской конференции свелось, по всей видимости, к решению союзных держав обеспечить взаимную защиту в случае нападения и приходить на помощь атакованной стороне в течение 21 дня. Но разве они не договорились об этом еще прежде? [2] О, непостижимые тайны политики, немые даже перед голосом орудий!» [Там же].

Примечательна и ремарка, которой Марсенго завершает описание этого дипломатического события: «В протоколе Конференции не указана дата начала военных операций. Эта предосторожность была рекомендована генералом Гурко, дабы избежать осведомленности противника через шпионов, наводнивших каждый уголок России» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 131].

По окончании Петроградской конференции союзные дипломаты от имени императора были награждены российскими орденами, а затем «межсоюзнические миссии отбыли обратно через Мурманск, дабы вернуться на франко-англо-итальянский фронт» [Gurko. С. 304; Marsengo. Eroi senza luce… P. 130].

Марсенго было известно, что уже в апреле 1917 г. начальник генерального штаба вооруженных сил Италии Луиджи Кадорна планировал начать наступление: «сперва в Трентино ради выравнивания линии фронта, а затем — за Горицей. Очевидно, к апрелю все союзники должны развернуть свои операции», — писал он [Marsengo. Eroi senzaluce… P. 129].

Разумеется, это касалось и России, где начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев предполагал перейти в наступление в мае 1917 г., опираясь на ожидаемое улучшение снабжения фронтов «огневыми припасами». На этом фоне вердикт Маурицио Марсенго выглядит весьма жестким: «Что касается боевых припасов, то Франция пообещала России лишь то, что окажется у нее в избытке. В сущности, Россия никогда не сможет иметь мощного вооружения, поскольку не располагает достаточным числом заводов для производства тяжелой артиллерии и снарядов» [Там же]. Военная кампания 1917 г. против Центральных держав, по мнению Марсенго, имела мало шансов на успех, в то время как политический переворот в России был почти неизбежен.

Крайне интересна запись, сделанная им за несколько недель до революционного взрыва в Петрограде: «В Государственной думе до настоящего времени происходили лишь незначительные столкновения, остававшиеся, впрочем, в рамках конституции и законности. По-прежнему раздаются требования об “ответственном министерстве”, и ровным счетом ничего не происходит в войсках; солдатская масса, оставаясь совершенно в стороне от всякого политического движения, продолжает героически жертвовать собой во имя Отечества» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 132]. Переворот, таким образом, произошел неожиданно для большинства нижних чинов армии; а сам Марсенго получил первые достоверные сведения о революции в Ставке 27 февраля 1917 г.

Мемуарист обращает внимание на характерную деталь — в тот день он получил последнее приглашение к высочайшему столу. Поздно ночью с 27 на 28 февраля император отбыл из Ставки, направляясь в Царское Село, беспокоясь за судьбу императрицы и детей. «В ту роковую ночь, — писал Марсенго, — он избрал путь на Царское Село вместо дороги в столицу» [Marsengo. Eroi senza luce… С. 136]. Это предопределило его судьбу, как и судьбу династии и всей империи.

Впоследствии автор мемуаров целенаправленно собирал источники по истории Февральской революции, и глава, посвященная ей, подробным образом документирована. М. Марсенго включил в текст своих воспоминаний уникальный исторический документ — «Дневник» служащего Феофилова, находившегося в императорском поезде («Литера Б») и оставившего детальное свидетельство об этом путешествии императора и последних часах монархии в России. Впрочем, этот документ, до разрешения вопроса о его подлинности, требует особенно осторожного отношения и сопоставления с уже известными свидетельствами очевидцев. Учитывая характер других ценных источников, которые приводит автор в главе, посвященной революции в России, становится очевидным, что Марсенго опирался на разветвленную сеть агентов и офицеров связи, которые непрерывно снабжали его актуальной разведывательной информацией. Осведомленность итальянских представителей о событиях Февральской революции была чрезвычайно высокой — в Петрограде они также имели собственных агентов. Одним из них был сержант Каффи, который, по словам Марсенго, «являлся для нас [итальянцев] ценнейшим сотрудником, поскольку не только свободно изъяснялся по-русски, но и обладал отважным сердцем вкупе с редким благоразумием» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 132]. Его разведывательное донесение от 28 февраля 1917 г. де-

тально и с большой точностью описывает ситуацию в Петрограде и падение старого правительства. Этот документ также включен автором в текст его мемуаров.

Известие об отречении царя произвело ошеломляющее впечатление на русских офицеров Ставки и союзных представителей. Марсенго подчеркивал роковую роль попытки Николая II добраться до Царского Села, которая привела его в Псков, прямо в руки командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского и петроградских заговорщиков. «Это скорбное путешествие государя было намеренно растянуто на двое суток, поскольку руководители переворота имели целью изолировать его от двора и от Ставки Верховного главнокомандующего», — утверждал мемуарист, ссылаясь на книгу комиссара Временного комитета Думы А.А. Бубликова, опубликованную в Нью-Йорке в 1918 г. [Бубликов. С. 24; Marsengo. Eroi senza luce… P. 141].

Отречение Николая II и формирование Временного правительства итальянский монархист М. Марсенго воспринял как государственную катастрофу для России и грозное предзнаменование будущего крушения всего Восточного фронта. «Ныне под давлением политических событий о войне уже почти никто не помышляет, — писал он. — В Ставке уже давно не слышно никаких толков о военных операциях. Член Государственной думы Энгельгардт принял командование войсками Петрограда и Царского Села. Государыня императрица, великие княжны и цесаревич пребывают под стражей Временного комитета Государственной думы» [Там же].

Личное прощание Марсенго с императором состоялось 7 (20) марта 1917 г. в Могилеве. Российский монарх пожелал в последний раз увидеть представителей союзных миссий перед прощанием с российскими чинами Ставки — событием, трагизм которого был впоследствии отражен во многих мемуарах современников. На следующий день Николай II отбыл в Царское Село, сопровождаемый представителями Временного правительства, и фактически оказался под арестом. Все попытки глав союзных миссий обеспечить бывшему монарху и его семье беспрепятственный выезд за границу не имели успеха. «Участь Романовых, — прямолинейно писал автор, — заставляет вспомнить трагедии самого мрачного средневековья. Возвращение в Царское Село принесло государю бесконечную горечь» [Marsengo. Eroi senza luce…P. 154].

Тяжелые предчувствия итальянского представителя в русской Ставке относительно политических последствий революции и неминуемого развала Восточного фронта быстро стали реальностью.

«Алексеев рассылает циркуляр с категорическим приказом расстреливать солдат, покидающих окопы, но Поливанов, помощник военного министра, является в Ставку, дабы умолять его отменить это распоряжение, — вспоминал Марсенго. — Алексеев упорствует, однако дела идут по-прежнему. На Северном фронте бунтуют, в окрестностях Рогачева грабят помещичьи усадьбы; штаб великого князя Бориса Владимировича арестован и препровожден в Петроград из-за того, что какой-то проводник (служитель вагона, где размещался штаб) обвинил офицеров в заговоре с целью убийства

Керенского. В Петрограде не видно ничего кроме красных знамен, грязных солдат с кокардами и примкнутыми штыками; императорские орлы занавешены красным сукном; все морские офицеры Балтийского флота убиты или взяты под стражу собственными матросами, кои наказывают уцелевших начальников многочасовым выстаиванием под ружьем или тому подобными воинскими взысканиями. В Кронштадте продолжается террор. Адмирал Вирен, героически уцелевший в Русско-японскую войну, погиб в ужасающих мучениях» [Marsengo. Eroi].

18 (31) марта 1917 г. члены Временного правительства прибыли в Могилев. Новый военный министр А.И. Гучков в полдень принял глав военных миссий союзников. Прием оказался «малорадостным»: министр не скрывал всей тяжести положения новой власти в Петрограде и признавал «почти полное бессилие Временного правительства».

«Сие не мешает этой публике, — с горечью отмечал Марсенго, — вечером разделять с нами трапезу в гостинице «Бристоль» в парадоксальной обстановке. Подумать только: мы обедаем в том самом зале, где прежде собирались за столом государь, государыня и августейшая семья; и ныне Керенский — тот самый Керенский, что велел арестовать Кшесинскую (известную балерину, бывшую близкой подругой сперва государя, а затем великого князя Сергея Михайловича), — восседает прямо напротив великого князя Сергея, а подле того сидит Милюков» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 156].

Но все эти шокирующие приметы нового времени казались мемуаристу малозначительными «в сравнении с вестями, приходящими с различных фронтов: солдаты дезертируют, ширятся упорные слухи о сепаратном мире; единственным препятствием для продвижения немцев служит ныне не русский солдат, а весенняя распутица» [Там же].

М. Марсенго приводит содержание беседы генерал-квартирмейстера штаба Ставки генерала А.С. Лукомского с генералом Ромеи 22 марта (4 апреля) 1917 г., в ходе которой российский военачальник «с предельной ясностью» проинформировал своего итальянского коллегу о промежуточных итогах революции.

«Сильнейшая власть — это Комитет рабочих и солдатских депутатов, ибо в его распоряжении находятся все петроградские войска, все балтийские экипажи, заводы, железные дороги, государственные почта и телеграф. Достаточно одного знака Комитета, дабы во всей России не завертелось ни одно заводское колесо, не тронулся ни один поезд. Посему приходится подчиняться его требованиям, даже в том, что касается армии.

Гарнизонные войска разорвали узы дисциплины и чинопочитания. Все наши усилия были направлены на то, чтобы эта опасная эпидемия не поразила также и фронтовые части. Но, вопреки нашим стараниям, нам не удалось воспрепятствовать тому, чтобы недуг проник в войска второй линии и резервы, откуда немало солдат уже потянулось по домам. Многие офицеры были изгнаны своими же подчиненными. Нам пришлось снизойти до учреждения в каждом корпусе смешанных комитетов из офицеров и сол-

дат для разбора дисциплинарных вопросов и отношений между начальниками и подчиненными. Между тем боевая подготовка жестоко пострадала. Важнейшая работа по подвозу снабжения парализована. Мы не можем отправлять в корпуса многочисленные пополнения, поскольку те, прибывая из тыловых гарнизонов, занесли бы на фронт тяжелую эпидемию недисциплинированности, коею они поражены. При первой возможности мы попытаемся предпринять на всех фронтах малые операции, дабы отвлечь войска от внутренних распрей. Если допустить, что дела устроятся, настоящее наступление сможет начаться не ранее конца июня или первых чисел июля по новому стилю» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 156-157].

Примечательна точность, с которой А.С. Лукомский смог описать произошедшую государственную катастрофу и начало разложения фронта; верными оказались и его слова о будущем наступлении, которое летом 1917 г. начала уже новая революционная власть во главе с А.Ф. Керенским.

Заключение

Военные мемуары представителя итальянского генштаба в русской Ставке Верховного главнокомандующего отразили важнейшие потрясения переломного периода отечественной истории 1915 — 1917 гг. Рассказывая о «великом отступлении» 1915 г., Брусиловском прорыве и Русской революции, Маурицио Марсенго раскрывается перед читателем как интеллектуал и офицер-монархист, принадлежавший к военной элите Итальянского королевства. В его текстах нашли отражение и холодный аналитический расчет, и традиционный европейский скепсис в отношении русской действительности, и искреннее сострадание к обреченным героям уходящей эпохи. «Герои без света» — глубокое, горькое и удивительно точное свидетельство о тектонических сдвигах, произошедших в новейшей истории России и Европы в годы Великой войны. Здесь сталкиваются жестокость «окопной правды», свидетелем которой Марсенго был лично, политическое бессилие военной среды и аристократический шок от «парадоксального смешения» (promiscuità) старого и нового миров.

Главные герои его книги — прежде всего генералы и офицеры Ставки — тщетно намеревались «обуздать [революционную] стихию, взывая к понятиям о чести, к славным традициям, к национальному чувству, но вскоре замечали, что лишь сотрясают воздух, подобно Дон Кихотам, кои и сами сознают собственное безумие» [Marsengo. Eroi]. Обреченность увиденной автором русской постфевральской действительности вовсе не означала, однако, обреченности идеалов, в которые он верил. Напротив, в анализе причин русской катастрофы монархист Марсенго восходит к историософским обобщениям: главным триггером революционного распада для него стал не столько социально-экономический кризис, сколько стремительное, почти мистическое исчезновение сакрального авторитета правящей династии.

Как интеллектуал, неплохо знавший Россию, Марсенго понимал, что ее государственное здание веками держалось на безусловном авторитете самодержавия. Внезап-

ный вакуум, образовавшийся после падения Романовых, не мог быть восполнен институтами европейской парламентской демократии, которые в русских реалиях мгновенно выродились в «бесконечное словоблудие» революционного правительства. Пытаясь примирить непримиримое, новая власть в лице А.Ф. Керенского перепутала «прения с действием», чем окончательно лишила себя легитимности. По мнению Марсенго, именно паралич традиционного лидерства превратил великую русскую армию в «неорганизованную толпу», равнодушную к собственным поражениям, и запустил необратимый процесс национального саморазрушения.

Марсенго призывал помнить исторические уроки Русской революции, которые в его глазах имели ценность прежде всего для его собственной страны, Италии. Изданная в период правления Б. Муссолини, его книга противопоставляет российскому опыту укрепление итальянской государственности через сильное лидерство, политический корпоративизм и эксплуатацию имперского мифа. Автор выстраивает прямую телеологическую линию от Февральской революции, крушения Восточного фронта и (само)поражения России в мировой войне к победе Италии и «фашистской революции» 1922 г.

На фоне обстоятельств своего времени публикация 1935 г. формулировала актуальное видение «исторической справедливости»: если плодами победы не смогли воспользоваться ее творцы («герои без света»), это неминуемо должен был сделать кто-то другой. Идея «политического использования истории» нашла отражение в предисловии философа и деятеля режима Муссолини Э. Бодреро, который стремился связать понесенные Россией жертвы с последующей эволюцией межвоенной Европы, незаслуженно забывшей своих «неизвестных героев».

Главная трагедия русской истории начала XX в., по мнению Маурицио Марсенго, стала возможной из-за необратимой десакрализации власти, запущенной военными неудачами и политическими кризисами, особенно с 1915 г., когда монархия перестала восприниматься в качестве объединяющего общество института. Фигуры императора и императрицы вызывали критическое отношение даже в среде офицеров и генералов Ставки, получив уничижительные наименования «полковника» и «полковницы» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 134]. Атрофия государственного чувства, охватившая в равной мере военных и гражданских лиц, — вот что поразило итальянского офицера в России более всего. Этот исторический урок он считал наиболее поучительным.

Говоря о революционных властях новой «демократической» России, Марсенго выносит жесткий вердикт, который спустя всего несколько месяцев после Февраля 1917-го оказался пророческим: «Они тешат себя иллюзией, будто все еще представляют собою правящий класс, и, пожалуй, власть действительно осталась бы в их руках, прими они логику обстоятельств, иными словами, удержи они авторитет власти любой ценой и любыми средствами, решительно опираясь на силы, кои еще сохранили здравие, дабы не идти на компромиссы, но искоренять самые семена разложения. Тогда еще можно было бы взирать на грядущее с некоторою надеждой» [Marsengo. Eroi].

Пережив потрясения Февраля 1917-го, русские герои Великой войны оказались лишены «света надежды», после чего Россия утратила свою заслуженную победу. Эта вынесенная в заглавие книги идея Маурицио Марсенго является центральной для всего его повествования.

Примечания

1. Полковник Эдоардо Рополо скончался в Турине в 1917 г.
2. Такое условие было согласовано еще на второй межсоюзнической конференции Антанты в Шантийи в декабре (ноябре по юлианскому календарю) 1915 г.

Литература

Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк. 1918.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин. 1924.

Попова С.С. Русская революция: Донесения начальника бельгийской военной миссии барона де Риккеля. 1916–1918 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 168-184; № 4. С. 165-190.

Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy. Signed in London April 26, 1915. London. 1920.

Aldrovandi Marescotti L. Nuova Antologia: Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario (1914-1919). Milano. 1936. — URL: slideshare.net/slideshow/luigi-aldrovandi-marescotti-guerra-diplomatica-ricordi-e-frammenti-di-diario-19141919-1936/37330019 (дата обращения: 28.08.2026).

Bodrero E. Prefazione // Eroi senza luce: Una missione militare in Russia durante la guerra mondiale, maggio 1915 — septembre 1917. Torino. 1935. P. IX-XII.

Gurko B. War and revolution in Russia, 1914-1917. New-York. 1919.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II as I knew him. London. 1922.

Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917): Le journal inédit du général Janin. Paris. 2015.

Janin M. Ma mission en Sibérie: 1918-1920. Paris. 1933.

Marsengo M. Il crollo di un impero // La lettura: Rivista mensile del Corriere della Sera. Milano, 1922. Fascicolo 2 (Febbraio). P. 135–144. — URL: emeroteca.braidense.it/eva/sfoglia_articolo.php?IDTestata=47&CodScheda=134&CodVolume=2214&CodFascicolo=11428&CodArticolo=235972 (дата обращения: 28.08.2026).

Marsengo M. Eroi senza luce: Una missione militare in Russia durante la guerra mondiale, maggio 1915 — septembre 1917. Torino. 1935.

Missioni militari italiane all'estero in tempo di pace (1861-1939). Roma, 2001.

Romano A., Foschi R. Emilio Bodrero at the crossroads of fascism and the crisis of psychology // History of Psychology. 2026. Vol. 29, № 1. P. 46–61. — URL: doi.org/10.1037/hop0000285

Ryckel L. de. Mémoires du lieutenant général baron De Ryckel, Sous-chef d'Etat-Major de l'Armée Belge en 1914 puis Chef de la Mission militaire belge au Grand Quartier Général des Armées Impériales de Russie. Paris, Brussels. 1920.